

МОЯ ЛЕДИ WILKINSON

В тот же вечер я отправил ей сообщение: написал, что пробуду пять дней, и спросил, как она хотела бы провести это время.

Я едва успел положить телефон.

Не прошло и двух минут, как пришёл ответ.

«Завтра утром, в одиннадцать.

У меня на вилле, в Итоне.

Будем пить английский чай.

Сообщи, где ты остановился.

Я дам адрес своему водителю, и он за тобой заедет».

Я улыбнулся.

Организация — военная.

Элегантность — британская.

От такого приглашения отказаться было невозможно.

Я ответил сразу.

«В 10:30 я буду стоять перед отелем Four Seasons.

Я живу неподалёку.

Дойду пешком».

Потом я ещё несколько мгновений смотрел на это сообщение, прежде чем отправить следующее.

Наша встреча меня по-настоящему волновала.

Пожалуй, сильнее, чем я готов был признать.

У меня было чувство, будто я готовлюсь к церемонии без церемониймейстера.

На следующий день мы оба прибыли минута в минуту.

Водителя звали Доминик.

Француз по происхождению.

Учтивый.

Сдержанный.

Безупречно воспитанный.

Пока мы ехали по этим улицам, меня охватило странное чувство.

Словно я здесь уже бывал.

Память вдруг унесла меня в 1993 год.

То же самое место.

С бывшим коллегой по Gillette.

Я решил, что это просто совпадение.

Один из тех подарков, которые жизнь иногда делает без всякой просьбы.

Я вошёл в замок.

Она по-прежнему называла его виллой — из природной скромности.

Для меня это был замок.

Второй, в котором я побывал за свою жизнь.

Первым был замок Бран в Трансильвании.

Я ездил туда на встречу с необыкновенным директором — великолепной женщиной, принимавшей у себя графа Влада, более известного как Дракула Колосажатель.

Мэгги я застал в кресле рядом с диваном.

Она встретила меня тепло.

Я безотчётно потянулся к её руке, чтобы поцеловать.

Она же предпочла французский протокол.

Три поцелуя.

Мы были просто двумя людьми, которых разделяли поколения и соединяла история, которую ни один из нас ещё не дорассказал.

И впервые с моего приезда Лондон перестал казаться мне городом.

Он казался пунктом назначения.

Я сказал ей, что, насколько мне известно, английский чайный ритуал полагается совершать в пять часов пополудни.

Так, по крайней мере, меня учили в школе.

А в одиннадцать утра — я не мог понять, что изменилось.

Она улыбнулась.

И ответила с той уверенностью, какая бывает только у людей, проживших достаточно долго, чтобы уже никого ни в чём не убеждать.

«Англичане пьют чай всякий раз, когда кажется, будто они отдыхают.

На самом деле в эту минуту они думают.

В эту минуту они принимают решения.

Определённого часа не существует.

Чай в пять часов — всего лишь формат, который кто-то узаконил, чтобы оправдать перерыв в работе».

Я слушал, не перебивая.

Это была сильная женщина.

Напористая.

Решительная.

Элегантная.

Неутомимая.

Несгибаемая.

Она была из стали.

Как её мечи.

Она была Мэгги.

Она была моей леди Wilkinson.

Фердинандо